

RU

Творчество А. Б. Ярославского в период революционных преобразований 1917 г.: от стихотворного фельетона к истокам поэзии биокосмизма

Сливко С. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности и характер эволюции поэтического творчества А. Б. Ярославского в условиях революционных преобразований 1917 г. Научная новизна исследования состоит в определении идейно-образного, стилистического и фонического уровней строения стихотворений А. Б. Ярославского, что предпринимается впервые в отечественном литературоведении. В результате доказано, что преобладающим жанром в творчестве А. Б. Ярославского выступает стихотворный фельетон, где автор поднимает волнующие его вопросы жизни Владивостока в 1917 г. и проблемы развития революционного процесса. Вместе с тем обращение к жанру оды позволяет с философских позиций осмыслить место лирического героя в мире, а также механизмы и этику социального прогресса в представлениях поэта. Можно заключить, что уже в этот период творчества А. Б. Ярославского формируются предпосылки поэзии биокосмизма, в создании которой поэт примет активное участие в начале 1920-х гг.

EN

A. B. Yaroslavsky's creative work during the revolutionary transformations of 1917: From the poetic feuilleton to the origins of the poetry of biocosmism

Slivko S. V.

Abstract. The research aims to identify the features and nature of the evolution of A. B. Yaroslavsky's poetic works in the conditions of the revolutionary transformations of 1917. The scientific novelty of the research lies in determining the ideological, figurative, stylistic and phonic levels of the structure of A. B. Yaroslavsky's poems, which has not been done before in Russian literary studies. As a result, it has been proved that in the creative work of A. B. Yaroslavsky, the predominant genre is represented by the poetic feuilleton, where the author raises the issues of life in Vladivostok in 1917 that concern him and the problems of the revolutionary process development. At the same time, by employing the ode genre, it is possible to comprehend the persona's place in the world from a philosophical standpoint, as well as the mechanisms and ethics of social progress in the poet's notions. It can be concluded that this very period of A. B. Yaroslavsky's oeuvre saw the formation of prerequisites for the poetry of biocosmism, in the creation of which the poet would take an active part in the early 1920s.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена значительным вниманием современного отечественного литературоведения к развитию литературного процесса в регионах России, в т. ч. на российском Дальнем Востоке. Характерной особенностью российских революций 1917 г. стало активное осмысление революционного процесса в русском искусстве, в том числе и в поэтическом творчестве. С одной стороны, многие поэты являлись участниками или свидетелями революционных процессов и испытывали на себе сильное влияние исторических событий, с другой – их творчество выражало умонастроения революционных масс и влияло на общественное сознание. Одним из значительных поэтов российского Дальнего Востока в 1917 г. являлся А. Б. Ярославский, чьи произведения печатались в одной из популярнейших дальневосточных газет «Далекая окраина». В его стихотворениях не только поэтически осмысливалась революционная повседневность Владивостока, но и поднимались ключевые мировоззренческие проблемы, что в совокупности с творческим подходом

Ярославского к работе в жанрах стихотворного фельетона и оды делает изучение его трудов важным вкладом в осмысление литературного процесса на Дальнем Востоке в период российских революций 1917 г.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- во-первых, рассмотреть особенности стихотворений А. Б. Ярославского, написанных в жанре поэтического фельетона;
- во-вторых, изучить основные способы репрезентации революционных событий 1917 г. и их осмысление в творчестве А. Б. Ярославского;
- в-третьих, проанализировать ключевые мировоззренческие проблемы, поднимаемые в поэзии А. Б. Ярославского, и проанализировать авторские взгляды на их решение;
- в-четвертых, проследить влияние раннего творчества А. Б. Ярославского на формирование поэзии биокосмизма в первой половине 1920-х гг.

Для исследования творчества А. Б. Ярославского в статье применены следующие методы исследования: описательный, биографический, культурно-исторический, формальный, а также лексико-семантический анализ.

Теоретической базой послужили исследования отечественных литературоведов, в которых рассматриваются приемы и методы изучения русской поэзии начала XX вв. В исследованиях М. Л. Гаспарова (1993; 2001a; 2001b; 2015), посвященных различным аспектам анализа и интерпретации русской поэзии начала XX в., рассмотрены и использованы приемы и методы работы с поэтическими текстами поэтов Серебряного века, примененные в настоящем исследовании к творчеству А. Б. Ярославского. Б. В. Томашевский (1996), Л. И. Тимофеев (1938) и В. М. Жирмунский (1928; 1977; 2001) в своих трудах показали особенности функционирования и эволюции поэтических жанров, в том числе под влиянием социально-политических трансформаций 1917 г. В работах В. А. Красовец (2019) и С. Б. Джимбинова (Литературные манифесты..., 2000) раскрыты особенности биокосмизма как поэтического течения и затронут участие А. Б. Ярославского в его становлении.

Источниковой базой исследования являются выявленные нами 9 стихотворений поэта, напечатанных в газете «Далекая окраина» на протяжении июля-августа 1917 г. Из них 6 написаны в жанре стихотворного фельетона (1-6), 1 – в жанре медитативной лирики (7), 2 – в жанре оды (8-9). Все стихотворения впервые вводятся в научный оборот.

1. Ярославский А. Б. Nihil // Далекая окраина. 1917a. № 3342. 15 августа.
2. Ярославский А. Б. Гибель буквы «Ъ» // Далекая окраина. 1917b. № 3307. 5 июля.
3. Ярославский А. Б. Вместо фельетона // Далекая окраина. 1917c. № 3306. 4 июля.
4. Ярославский А. Б. Красные мелочи // Далекая окраина. 1917d. № 3307. 5 июля.
5. Ярославский А. Б. Красные мелочи // Далекая окраина. 1917e. № 3327. 28 июля.
6. Ярославский А. Б. «Провинция» и «столица» // Далекая окраина. 1917f. № 3322. 22 июля.
7. Ярославский А. Б. Обыватель // Далекая окраина. 1917g. № 3327. 28 июля.
8. Ярославский А. Б. Хвала жестоким // Далекая окраина. 1917h. № 3328. 30 июля.
9. Ярославский А. Б. Народу // Далекая окраина. 1917i. № 3332. 3 августа.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемые в статье аспекты творчества А. Б. Ярославского в период революционных преобразований 1917 г. могут быть использованы в педагогической деятельности при изучении истории российской поэзии начала XX в., а также истории культуры российского Дальнего Востока в период революций 1917 г.

Обсуждение и результаты

Творчество поэта Александра Борисовича Ярославского (9 (22) августа 1896 г. – не позднее 10 декабря 1930 г.) практически не известно современному читателю. Более того, на настоящий момент не имеется отдельных научных работ, посвященных его жизни и трудам. Между тем русский и советский писатель, поэт, журналист, один из основоположников литературного течения «биокосмизма» и первых советских писателей-фантастов начинал свою литературную деятельность во Владивостоке, и достаточно широкая известность пришла к нему после публикаций в дальневосточной печати в 1917 г.

А. Б. Ярославский родился в Москве в семье врача, в юном возрасте был увезен во Владивосток, где в 1907 г. поступил в гимназию и в 1914 г. завершил обучение. В 1912 г. Ярославский дебютировал в печати, опубликовав свое первое стихотворение в газете «Далекая окраина». После окончания гимназии отправился в столицу и поступил в Петроградский университет на математический факультет, но занятия литературной деятельностью стали препятствием к получению высшего образования, и он был исключен за непосещение. Тем не менее литературная деятельность в Петрограде не принесла Ярославскому успеха. В архиве Л. М. Рейснер сохранились стихи и проза начинающего поэта, присланные для несостоявшейся публикации в журнале «Рудин» (декабрь 1915 г. – май 1916 г.). В дальнейшем поэт не возвращался к ним и не включал их в сборники своих стихов, считая незрелыми, но в них видны интерес начинающего поэта к экспериментам в различных лирических жанрах и склонность к осмыслению мировоззренческих вопросов. Сохранившийся в рукописи рассказ «Революция счастливых» примечателен не только интересом автора к революционной тематике, но и ницшеанскими мотивами в понимании революционного процесса, вложенными в уста отрицательного героя: «Да! Я говорю вам, восстаньте! Боритесь с судьбой! Красивые и счастливые, уничтожьте уродливых и несчастных! Вырвите с корнем плевелы человечества! Иначе страшная проказа страдания будет передаваться из поколения в поколение и никогда не исчезнет! Избавьте же их от мучительной жизни, себя от скорбной необходимости созерцать их тоску и уродство и некрасивость» (Л. Л., 2009, с. 63-65).

В конце 1916 г. – начале 1917 г. А. Б. Ярославский вернулся во Владивосток и выпустил за свой счет первую книгу стихов «Плевки в бесконечность» (Владивосток: Изд. Дальневосточного союза профсоюзов, 1917). Летом 1917 г. он активно печатается в популярной владивостокской газете «Далекая окраина» – с этого фактически началась активная публичная литературная деятельность Ярославского, совпавшая с революционными преобразованиями в России. Поэт не только выступил свидетелем исторических событий, но и обратился в своем творчестве к проблемам, которые остро обозначила новая эпоха. Для этого он использовал форму стихотворного фельетона, которая позволила не только оперативно реагировать в печати на актуальные новости, но и осмысливать новые явления революционной действительности в поэзии, делая ее более близкой и востребованной читающей публикой.

В стихотворении А. Б. Ярославского «Вместо фельетона» описывается революционная повседневность Петрограда и Владивостока. Его темой является сатирическое сопоставление столичного и провинциального в жизни городов. Мимо взора поэта не проходят внешние детали, которые позволяют выявить общие черты в жизни двух городов. Весной и летом 1917 г. в Петрограде интенсивно развивается анархистское движение, нашедшее поддержку на некоторых заводах и фабриках, армейских частях и экипажах Балтийского флота, а также среди представителей интеллигенции. Радикальными требованиями углубления социальных преобразований в виде упразднения государства, экспроприации собственности буржуазии, передачи власти на предприятиях в руки трудовых коллективов, развития механизмов прямой демократии анархисты не только выражали надежды и чаяния социальных низов, но и вызывали страх у умеренных слоев общества, что усугублялось активными действиями отдельных анархистских групп по захвату помещений и имущества буржуазии, а также попытками уголовных элементов совершать свои деяния, прикрываясь знаменем анархизма. Ярославский (1917с) отмечает, что анархисты очень громко заявили о себе во Владивостоке и приходит к выводу, что развитие революционного процесса приведет к усилению анархических тенденций: «Пятнает мрачный пессимизм / Владивостока честь – / У нас, ведь, даже анархизм / И анархисты есть! / Какие лица, люди, речи, / – Взглянуть и умереть! – / И это только лишь предтечи / Того, что будет впредь...». Наличие и активная деятельность владивостокских анархистов нашли отражение и в другом стихотворении А. Б. Ярославского (1917d) «Красные мелочи»: «Если ты душой неистов, / Если твой удел дебош, / То в союзе анархистов / Ты признание найдешь...». Сатирически изображая радикализм анархистов, поэт создает образ политической силы, которая находит отклик у эмоционально нестабильных и склонных к нарушению общественного порядка людей.

Упомянув об «американском стиле», который позволяет Владивостоку соревноваться с Петроградом, Ярославский (1917с) имеет в виду изрядное количество политических эмигрантов (главным образом из США), которые возвращались в Россию через Владивосток весной-летом 1917 г.: «Нам злобных критиков не надо, / В глаза мы пустим пыль: / У нас почище Петрограда / – Американский стиль!..». В числе реэмигрантов было значительное количество большевиков и анархистов, на что обращала внимание газета «Дальний Восток»: «Анархисты развивают свою деятельность. Благо, прибыли подкрепления из Америки. Несколько дней назад по улице шествовала курьезная процессия. Человек тридцать симпатичных мужчин в лаковых сапожках с зонтиками шествовали с красным флагом с надписью “Да здравствует социальная революция!”. Уныло и совсем нестрашно пели они страшную песню про черное знамя и “зов Равашоля”» (Филатов, 2007). По мере усиления социально-политического противостояния во Владивостоке летом 1917 г. местная консервативная пресса часто ставила в укор анархистам их американскую эмиграцию и использование американского стиля в одежде. Следует заметить, что несмотря на ироничное и критическое отношение к анархистам в 1917 г., сам А. Б. Ярославский через некоторое время придет в своей идейной эволюции к анархизму, став одним из лидеров петроградских анархистов-биокомсменов.

В стихотворении «Вместо фельетона» автор изображает моду и явления культуры, характерные для Владивостока. Он подчеркивает их внешнее сходство с аналогичными явлениями столичной жизни, но все же сравнения показывают налет провинциализма и вторичности местной моды: «Как в Павловске, на Океанской / “Эстэтность” “экслярмонд”, / Какие дэнди на Светланской, / А кокинский бо-монд?! / Не будь же дерзок и нахален / Заносчивый педант – / Не говори: – Провинциален / Владивостокский фронт» (Ярославский, 1917с). Упомянутая в стихотворении кофейня-кондитерская Кокина, которая на протяжении трех десятилетий являлась одной из визитных карточек Владивостока, а также приметы культурной жизни улиц Светланской и Океанской создают вполне «столичный» образ Владивостока, который приобретает сатирические черты за счет обильного использования иностранных слов, обозначающих распространение явлений, сходных с петроградскими.

Сатиричность изображения Владивостока как тихоокеанского Петрограда усиливается за счет сравнения автором самого себя с главным героем цикла романов Альфонса Доде, который прославился своим бахвальством, хвастовством, вымышленными подвигами и верой в собственный вымысел, при этом судил о дальних странах, не выезжая за пределы своего города: «По воле царственного рока / Я сам абориген – / Стою за честь Владивостока, / Как местный “Тартарен”» (Ярославский, 1917с).

Обращая внимание читателя на отсутствие во Владивостоке дефицита продовольствия, Ярославский (1917с) подчеркивает, что, в отличие от столицы, «здесь есть и хлеб, и спирт, и мясо, и даже сахар есть!». Поэт подразумевает достаточно широкое развитие черного рынка в противоположность «голодному Петрограду», где проблемы с продовольствием стали одним из поводов, послуживших началу Февральской революции.

Автор завершает стихотворение смешением французского языка и латыни – “Adieux! Sapienti sat!” – «До свидания! (фр.) Мудрые люди! (лат.)» – латинское крылатое выражение, означающее в переводе «умному достаточно»

или «для понимающего достаточно» и соответствующее русскому аналогу «умный поймет». Поэт апеллирует к мудрости, которой в его понимании одинаково чуждо уничижение провинциализма Владивостока и столичности Петрограда. Можно заключить, что в видении А. Б. Ярославского попытки соизмерить пространство революционной России дихотомией «столица/провинция» непродуктивны, поскольку не вмещают в себя всего многообразия революционного процесса.

В стихотворном фельетоне «“Провинция” и “столица”» поэт продолжает сопоставление Владивостока и Петрограда. Гуляющие обыватели («миледи» и «некто в сером»), спор юного прапорщика и штатского, драка («бьют умело, с расстановкой – бьют совсем по-петроградски»), предвыборная агитация («поражает, оглушает и расстраивает нервы многогласный и трескучий гром предвыборных речей»), выкрики мальчишек-газетчиков – эти сцены из жизни Владивостока напоминают картины столицы. Вместе с тем Ярославский (1917f) подчеркивает фантастичность и навязчивость агитации Временного правительства, преувеличивающего масштабы и результативность летнего наступления на фронте с целью подкрепить свой авторитет: «Тут же слышны телеграммы в громких выкриках мальчишек: / Наступленье! – наши взяли 230 городов! / Весь свой юмор и насмешку, – весь иронии излишек / Я с улыбкою невольной им пожертвовать готов...».

Ощущение единства всей России и всеобщего революционного пробуждения, равно как и проблем, стоящих перед провинцией и столицей, пронизывает поэзию Ярославского. Несмотря на иронический тон, поэт задает читателю и себе вполне серьезный вопрос: «Или, может быть, Россия вся дрожит единой дрожью? / И Светланская, и Невский в настроенях близнецы? – / Чем мы спяны? – не знаю! Красной правдой? Красной ложью? / – Только чувствую, что ныне мы стихийные творцы» (Ярославский, 1917f).

Несмотря на риторичность поставленного вопроса и комичность некоторых форм социальной жизни, порожденных революцией, поэт видит в переменах положительное начало, развитие которого в значительной степени зависит от самих граждан России. Завершая стихотворение, он признает: «Значит, пошлость озарила святость Искры Прометея / И ликующее пламя в душах радостно горит...» (Ярославский, 1917f).

Эта же мысль развивается им в фельетоне «Красные мелочи»: «По новым рельсам, новым шпалам / Направлен в жизни путь – / Не будь царем и генералом, / А гражданином будь!» (Ярославский, 1917d). Здесь Ярославский (1917d) сатирически изображает, что отдельные люди ожидают от революции моментальных перемен или предаются самоуспокоению, не желая видеть очевидных недостатков: «Не верь тому, что люди врут, / Ложись спокойно баиньки: / В милиции взятки не берут – / Милиционеры паиньки... / Нажившись, граждане порой / Умилно говорят: / В комиссариатах рай земной, / Пойдем в комиссариат!». Революция – долгий путь преобразования человека и общества, поэтому в завершение своего фельетона поэт вводит реминисценцию на библейский сюжет из Евангелия от Матфея («Многие же будут первые последними, и последние первыми»): «Не увлекайтесь розовыми бреднями – / Граждане с расстроенными нервами, / Да, первые стали последними / И последние еще не стали первыми» (Ярославский, 1917d). Сравнивая ожидания населения от революции с обещанием Иисуса воздать «во сто крат и наследовать жизнь вечную» в раю тем, кто примет его учение и пойдет за ним, Ярославский отмечает незавершенность революции и намекает на то, что «розовые бредни» – препятствия для ее завершения.

В другом фельетоне с аналогичным названием Ярославский отмечает, что еще одно препятствие для развития революции, по мысли поэта, – радикализация общественных настроений, эскалация насилия, которые открывают дорогу диктатуре и безответственности власти. Автор бичует корыстные побуждения и неискренность прежде далеких от революции людей, которые готовы использовать общественные настроения для личных, далеко не благородных целей: «А некто темный и иной / Идет на смену, как герой, / Скрывая мысль: Пусть гибнет Русь – / – Пока погибнет, – наживусь!..» (Ярославский, 1917e). А. Б. Ярославский (1917e) противопоставляет насилие и развитие мысли, подчеркивая принципиальную их непримиримость: «Когда свистит уныло розга, – / Тогда царят жандарм и царь, / – Когда сильно работа мозга, / – То вечность раскрывает ларь».

Органически связанным с темой развития революционного процесса является фельетон «Гибель буквы “Ъ”», названный поэтом для усиления сатирического эффекта «драматической поэмой». Используя эффект театрализации, автор намеренно гиперболизирует значение обсуждаемой в обществе реформы орфографии, разделяя произведение на четыре небольшие части: первая написана восемью дистихами, вторая приведена в виде шестистишия, третья представлена в виде четырех четверостиший, а четвертая является восьмистишием. Сюжет фельетона достаточно прост: известие о реформе языка достигает учебного заведения, и после всеобщего возмущения учитель словесности объявляет гимназистам о гибели буквы «ять», после чего хор гимназистов милосердно прощает покойнице все ее грехи перед учащимися и поет букве прощальную песню, провожая ее в чистилище, а затем читатель знакомится с эпитафией на ее могиле: «Не воскресай! Покойся вечным сном! / В тебе невольно видим мы угрозу, / Тебя б прикрыть для верности холмом / Величиной с Монблан или Монтерозу!» (Ярославский, 1917b).

Не отрицая значения реформы орфографии, А. Б. Ярославский (1917b), вкладывая в уста гимназистов речевые обороты, написанные высоким слогом с использованием приемов жанра оды, и поднимая достаточно небольшой факт до уровня драмы вселенского масштаба, показывает, что общество в период перемен подчас придает огромное значение тем явлениям, которые не заслуживают подобного внимания, а граждане, страдающие этим отношением к явлениям действительности, похожи на школяров: «На этом свете все превратно, / Жизнь сломит всякое “табу” / И ты не знала, вероятно, / Свою позорную судьбу. / О, буква, бывшая кумиром, / К тебе мы не предьявим иск, / В чистилище изыди с миром, О, буква, тигр и василиск!».

Не только общественно-политические события волновали поэта, он посвящал свои фельетоны и мировоззренческим вопросам, осмысливая отдельные аспекты межличностных отношений. В фельетоне “Nihil”

А. Б. Ярославский (1917а) сатирически изображает два подхода к жизни, выражая их через двух персонажей, которых обозначает как «некто в сером» и «некто в ярком». Очевидна очередная отсылка к пьесе Леонида Андреева «Жизнь Человека» (1907), через которую Ярославский противопоставляет Рок и Жизнелюбие. «Некто в сером, именуемый Он» – так Л. Н. Андреев назвал одно из действующих лиц в своей пьесе. По мысли автора, это символ рока, судьбы, иносказательно обозначающий загадочную, непонятную и вместе с тем опасную личность. Также «некто в сером» иронически употребляется в значении серой, тусклой, незаметной личности. У А. Б. Ярославского этот фразеологизм приобретает новый оттенок и означает человека, отрицающего радость бытия. Таким образом, противопоставление «серый/яркий» становится символом разного отношения к жизни – пессимистического и оптимистического.

Не привыкши к полумерам,
Заявляет «некто в сером»:
Созиданье страшно трудно,
Жить на свете очень нудно.
Пользу мыслью в красной лиге-ль?
– Прав один лишь лозунг: “Nihil”.

В споре бурном, в споре жарком,
Возражает «некто в ярком»:
А любовность, а взаимность?!
А эстетная интимность?!
Ведь не люди, – даже звери
Верят в страсть, по крайней мере.
Это радость в дне-ли, в миге-ль!
– Нет, безумен лозунг: “Nihil”
(Ярославский, 1917а).

Однако, несмотря на противоположность таких отношений к жизни, по мысли автора, они не мешают их существованию без отказа от изначальных мировоззренческих позиций. Более того, именно качества, не связанные с идеальными представлениями, подчас являются определяющими для того, чтобы «некто в ярком» отдавали предпочтение не мечтающим поэтам, а нигилистам, обладающим галантными манерами и привлекательными внешними данными: «“Некто в сером” был галантен, / И красив, и элегантен. / Да послужит он примером: / Всем российским кавалерам. / Он на зависть всем “Петраркам” / Взял под руку “некто в ярком”...» (Ярославский, 1917а).

Фельетоны А. Б. Ярославского, как правило, написаны ямбом, однако автор в рамках одного и того же стихотворения изменяет ритм, совмещая в одном произведении строфы, написанные ямбом и хореем (например, в «Красных мелочах»). Это используется для достижения эффекта многоголосия и с целью отделения авторской речи от пародируемых реплик или речи персонажей. Стилистика речи также отличается в зависимости от цели, которую ставит перед собой автор – он включает в повествование как просторечные выражения, так и достаточно высокопарный слог, использует иностранные заимствования и т. д.

Единственное произведение А. Б. Ярославского, написанное в жанре медитативной лирики, – миниатюра «Обыватель». Она проникнута чувством беспокойства, тревожности и причастности к тому, что происходит в мире, охваченном Первой мировой войной. Поэт описывает свои повседневные дела «здесь», в далеком от военных действий Владивостоке, и параллельно задается вопросом, что происходит «там» – на фронтах Первой мировой войны. Синхронность существования многих реальностей в огромном мире не дает ему спокойно направляться по улице в ресторан для обеда и заниматься повседневными делами: «А я лечусь и пью “Спермин”, / Живу, как все, – темно и нудно. / Быть может, там в полях гниют / Еще неприбранные трупы?» (Ярославский, 1917г). Перед внутренним взором автора открываются другие возможные реальности, которые в настоящий момент могут происходить «там» – уничтожение судов с людьми на борту, гниение небубранных с полей сражений трупов, яростная схватка с врагами. Личное благополучие и комфорт обывателя не просто случайность, но сознательный выбор: «Я пламя жизни берегу – / Лишь зритель я в стихийной драме» (Ярославский, 1917г). Сводя свою роль к функции созерцателя, взирающего на мировые катаклизмы, А. Б. Ярославский фактически ставит перед читателем вопрос о его гражданской позиции и личном выборе.

Обращение поэта к жанру оды вызвано тем, что одическая поэзия позволяет передать серьезность и торжественность мыслей, эмоций автора при осмыслении явлений исторического порядка, к которым А. Б. Ярославский обращается под влиянием масштабыности созерцаемых им исторических перемен. В фокусе внимания автора оказываются этические проблемы, которые он осмысливает с позиций ключевых вопросов исторического развития. Стихотворение «Хвала жестоким» уникально – оно явно диссонирует с атмосферой практически всей одической поэзии революционного периода, поскольку для нее не характерно воспевание подвига борцов с тиранией и произволом, которое сопровождается проклятиями палачам всего прогрессивного и свободолобного (Ярославский, 1917h). В стихотворении Ярославского, напротив, хвала воздается и палачам, и самым кровавым, с точки зрения автора, историческим деятелям: испанскому инквизитору Торквемаде, римскому императору Нерону, русскому царю Ивану Грозному и императору Павлу I. Поэт не ставит перед собой цель перечислять выдающихся организаторов кровопролитий и поэтому использует обобщение: «Хвала всем учителям прошлых и новых столетий, / Наполнившим мукою север и жаркий экватор» (Ярославский, 1917h).

Для усиления хвалебных отзывов в адрес жестоких палачей и организаторов массовых убийств Ярославский применяет «разливную» лексическую анафору, используя восклицание «хвала» 13 раз, начиная им 13 стихов из 28, которые составляют произведение. На философский лад настраивает спокойный и размеренный ритм – пятистопный амфибрахий.

Автор отмечает несколько причин, по которым жестокость и самые чудовищные преступления вправе получить хвалу. Во-первых, он исходит из идеи провиденциализма, обращаясь к христианской философии истории: «Хвала всем, когда-либо кровь на земле проливающим, / От мрачного Каина вплоть до Вильгельма II-го – / Склонность пред промыслом в мир нас премудро пославшим, / – Чем больше страданий, – тем больше рождалось святого!» (Ярославский, 1917h).

Во-вторых, поэт отмечает диалектическое единство добра и зла, свободы и рабства, жестокости и милосердия, развивая распространенный в революционный период мотив подвига тех, кто в самые тяжелые годы сопротивлялся тирании и своими поступками восхищал даже своих мучителей: «Сокровища Духа росли под огнем истязаний; / Незыблемо высился замок Любви и Прощенья – / И даже палач, пораженный величьем страданий, / Невольно почувствовал темной души пробужденье» (Ярославский, 1917h).

Наконец, жестокость и насилие подготавливали собой условия для пробуждения не только народа, но и для торжества Духа через революционный пожар: «Жестокие муки в гигантский пожар раздували / Те искорки Духа, что всюду таинственно тлели: – / Хвала же во веки всем тем, что пытали и гнали – / Хвала палачам: мы без них бы Христа не имели!» (Ярославский, 1917h).

Иными словами, по мысли автора, насилие и жестокость являются такой же движущей силой прогресса, как и его антагонисты. Однако нельзя говорить об абсолютизации подобной хвалы – воздавая хвалу палачам, А. Б. Ярославский акцентирует внимание на том, что без борьбы и тягот добро не пробивает себе дорогу, а противодействие всегда лишь укрепляет его мощь. Эта подспудная мысль объединяет эту оду с его фельетонами.

Другая ода адресовывается Ярославским революционному народу, что отражено в названии произведения («Народу» (Ярославский, 1917i)). Свершившуюся в России революцию поэт представляет космическим явлением, расширяя границы российской истории до вселенского масштаба: «К вам благосклонны мощные стихии, / Вселенная, исполненная звезд, / Во время революции в России / Для вас произнесла планетный тост! / В пожаре солнц, в огне протуберанцев, / В таинственных явлениях планет / Я вижу поздравления повстанцев, / Сочувствие и ласковый привет» (Ярославский, 1917i).

Похвала народу воздается не от лица автора, лирического героя или ролевого персонажа, а фиксируется автором-повествователем практически на автологическом уровне, чтобы создать ощущение документальности. И даже фразы «я вижу» и «я слышу» введены в текст не для того, чтобы подчеркнуть субъективность мировосприятия, а для усиления документальности повествования. Пробуждение народа поэт рассматривает как явление вселенского масштаба, поскольку именно революционный народ (Мессия, «царственный в природе элемент») может своей волей изменить привычный порядок вещей, поднять человечество, а вместе с ним и все сущее на новый уровень развития. «Закопченный рабочий», «солдат из битв», «пахарь от сохи» – такие простые и обыденные, но вместе с тем всемогущие творцы истории – должны превозмочь все трудности и выполнить свое вселенское предназначение.

А. Б. Ярославский (1917i) описывает личные качества творцов истории и обращает свои слова к читателю: «Ты должен быть простым, но всемогущим, / Превозмоги тревогу и обман – / Над днем твоим волшебным, днем грядущим, / Как бурный вихрь, развеи гнилой туман». Таким образом, мы отмечаем развитие темы личного преображения человека как необходимого условия революционного преобразования человеческого общества. «Твори грядущее» – этим призывом завершает свое стихотворение поэт, превращая фразу в подобию удара молота за счет использования звукописи и аллитерации.

В этом стихотворении можно усмотреть вполне отчетливые предпосылки будущего развития мировоззрения А. Б. Ярославского в сторону биокосмизма, одним из основателей которого он станет. Более того, в 1917 г. другой будущий основатель биокосмизма, анархист А. Ф. Агиенко, издал книгу «Петух революции», открывающую программным текстом «Да здравствует Вулканизм!», где следующим образом описывает идею «вулканизма»: «Я выхожу из всех границ и норм вашего общества и вашей горекультуры. <...> Я презираю и ненавижу ваше счастье и благополучие. В твердом сознании своей правоты и достоинства, я бесцеремонно плюю на ваши желания, привычки, понятия и худосочные идеалы. Я непримирим. Я священно зол. Моя непримиримость горит гигантскими кострами, ее жуткое зарево брошено в глубины космоса» (Цит. по: Красовец, 2019, с. 10). Это мировосприятие близко А. Б. Ярославскому (1917i), тоже употребляющему в своем стихотворении вулканический мотив: «В тревожном сне рокочущих вулканов, / В разливах рек, в волнении морей, / В торжественном дыхании океанов / Я слышу голос “Дальше и смелей”!».

Изданный в 1921 г. манифест биокосмизма, автором которого также стал А. Ф. Агиенко, рассматривает задачи, стоящие перед человечеством, в том же ракурсе, что и А. Б. Ярославский в 1917 г.: «В повестку дня мы включаем и “победу над пространством”. Мы говорим: не воздухоплавание – это слишком мало, – но космоплавание. И космическим кораблем, управляемым умудренной волей биокосмиста, должна стать наша земля. <...> Нельзя же оставаться только зрителем, а не активным участником космической жизни» (Литературные манифесты..., 2000, с. 306).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В стихотворениях, написанных и опубликованных в период Февральской революции, А. Б. Ярославский больше внимания уделяет разработке композиции стихотворений, отходя от экспериментов со стихотворными размерами. Преобладающим жанром в его творчестве выступает стихотворный фельетон, где автор поднимает волнующие его вопросы жизни Владивостока и развития революционного процесса, создает образы революционной повседневности. Поэт анализирует пространственно-временное измерение революции и приходит к выводу об условности различий между территориальными особенностями революционного развития. В стихотворных фельетонах автор не только сатирически изображает отдельные недостатки социальных преобразований, но и озвучивает способы их преодоления, что размывает

жанровые границы стихотворного фельетона. Отдельные сатирически изображаемые недостатки перемен не должны, по мысли автора, заслонять их основное содержание – преобразование мира на более разумных началах, которые требуют от каждого участника революции большой сознательности и гражданской зрелости.

Вместе с тем обращение к жанрам медитативной лирики и оды позволяет с философских позиций осмыслить место лирического героя в мире, а также механизмы и этику социального прогресса. События революции рассматриваются автором не только в региональном или общероссийском, но во вселенском масштабе, что позволяет сделать вывод о начале формирования «биокосмистских» взглядов поэта еще во время событий 1917 г.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении взаимосвязи поэзии А. Б. Ярославского с литературным творчеством других поэтов революционной эпохи, а также в анализе его поэзии периода Гражданской войны и борьбы с интервенцией на Дальнем Востоке России.

Источники | References

1. Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб.: Азбука, 2001а.
2. Гаспаров М. Л. Очерки истории языка русской поэзии XX в. М.: Наука, 1993.
3. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века с комментариями. М.: Фортуна-Лимитед, 2001b.
4. Гаспаров М. Л. Ясные стихи и «темные» стихи. М.: Фортуна ЭЛ, 2015.
5. Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы. Статьи 1916-1926. Л.: Academia, 1928.
6. Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука-классика, 2001.
7. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.
8. Красовец В. А. Деятельность группы поэтов-биокосмистов (1920-1923 гг.) в контексте авангардной парадигмы и философии русского космизма // Stephanos. 2019. № 2 (34).
9. Л. Л. Летейская библиотека – 44 // Коммерсантъ. 2009. № 37. 25 сентября.
10. Литературные манифесты от символизма до наших дней / сост. и предисл. С. Б. Джимбинова. М.: XXI век. 2000.
11. Тимофеев Л. Стих и проза. М.: Советский писатель, 1938.
12. Томашевский В. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996.
13. Филатов Ю. Анархисты шествовали с зонтиками и в лаковых сапожках // Владивосток. 2007. № 2112. 16 марта.

Информация об авторах | Author information

Сливко Станислав Вадимович¹, к. ист. н.

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Slivko Stanislav Vadimovich¹, PhD

¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ tov.slivko@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.07.2023; опубликовано online (published online): 01.09.2023.

Ключевые слова (keywords): А. Б. Ярославский; ода; стихотворный фельетон; биокосмизм; революции 1917 г.; A. B. Yaroslavsky; ode; poetic feuilleton; biocosmism; revolutions of 1917.